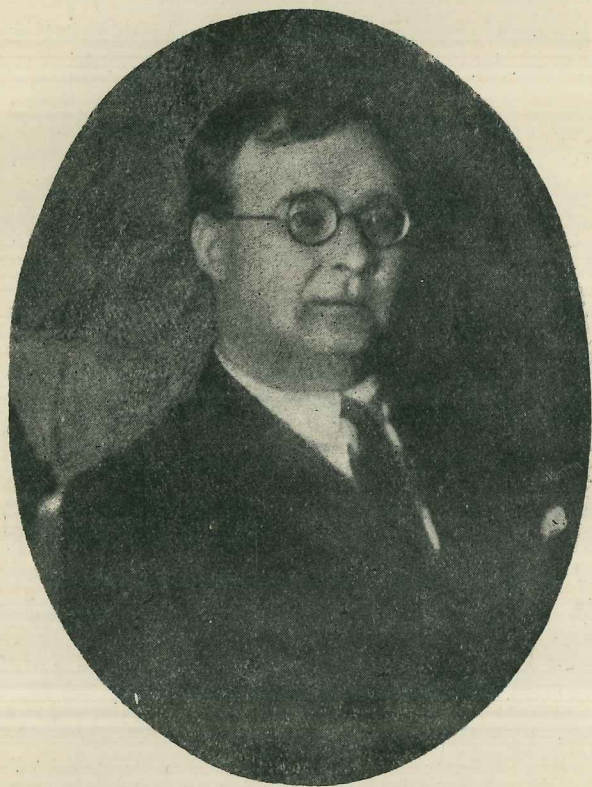

Б. Я. Владимирцов
1884—1931

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР. 1932

BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

Classe
des sciences sociales

Отделение
общественных наук

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ВЛАДИМИРЦОВ

ХХХИ - 2613

20 VII 1884—1931 17 VIII

Составлено С. Ф. Ольденбургом

В самом разгаре научной работы, издавая большой труд по монгольской грамматике и написав две части обстоятельного, совершенно нового по подходу, исторического исследования по феодализации Монголии, скоропостижно скончался академик Борис Яковлевич Владимирцов, сорока семи лет от роду.

Сам он, незадолго до смерти, говорил: «пять лет бы еще только прожить, и я закончу свои главные труды».

Эти задуманные им труды уже никогда не будут им закончены, но и того, что он сделал в области монголоведения достаточно для того, чтобы признать в нем самого крупного, без сравнения, монголиста нашего времени. Он принадлежал тому поколению востоковедов, которое в силу положения недостаточной исследованности их дисциплины, должны были ставить свою работу чрезвычайно широко, не замыкаясь в более специальном кругу: приходилось поднимать пелину, впервые ставить вопросы, выяснять руководящие линии работы, устанавливать подходы к неисследованному до того материалу, надо было одновременно быть и языковедом и литературоведом и историком. Для такой работы Борис Яковлевич своей большой разносторонностью был особенно хорошо подготовлен. Еще в детстве его влекло к занятиям историей и он ею занимался и в высшей школе и затем всю жизнь; широкая начитанность в литературах разных народов Востока и Запада, обстоятельное знакомство с литературоведческой литературой подготовило его к глубокому исследованию монгольской литературы, исключительное знание монгольского языка и основательное знакомство с большим числом восточных и западных языков сделали из него и языко-

веда. Но если спросить, чем был более всего Борис Яковлевич, как специалист-монголовед, то правильнее всего было бы вероятно ответить, что он прежде всего был историком.

Как и значительная часть его товарищей, востоковедов нашей страны, Владимирцов был в самой широкой степени полевым исследователем: еще на студенческой скамье он начал экспедиционную работу поездкой к калмыкам Астраханского края в 1907 г. и в западную Монголию к дэрбэтам для занятий языком и фольклором; затем командирован в 1911 г. к байтам в Западной Монголии. В 1913 г. он поехал на два с половиной года в Монголию, главным образом в Западную и Северную часть Центральной Монголии. После революции он был вновь командирован в Монголию, в Кентейский район и район верхнего Керулена и в 1926 г. в Монголию и Пекин. Ему кроме того пришлось по приглашению калмыков читать лекции по калмыцкому языку и литературе в 1917 г. в Астрахани и в Бапанте Ставропольской губернии. Все это дало ему превосходное, почерпнутое из непосредственного общения, знание монголов, бурят и калмыков. Остается пожалеть, что обширные дневники всех этих экспедиций остаются до сих пор неизданными, так как несомненно Борис Яковлевич в своих трудах смог использовать только часть этого громадного материала.

Как кабинетный работник Борис Яковлевич готовился у нас на бывшем факультете Восточных языков и в Париже, в Школе живых восточных языков, Сорбонне и Коллеж де Франс; в университете и высшей школе вообще он провел годы с 1904—1909. Затем был командирован на Запад в 1912 г., где главным образом работал в библиотеках и музеях Парижа и Лондона.

Этот краткий перечень наглядно выявляет широкую и систематическую подготовку Владимирцова, теоретическую и практическую. Знакомство с его научными трудами показывает, как основательно он воспользовался этой подготовкой.

Первый печатный труд Владимирцова «Отчет Б. Владимирцова о командировке к дэрбэтам Кобдинского округа летом 1908 г.» (командировка от Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии), носит уже тот характер, который вообще присущ всем его работам: при сравнительно небольшом объеме очень богатое и разнообразное содержание. Для Владимирцова была характерна сжатость изложения, вполне отрывательное отношение к многословию. Этим может быть отчасти объясняется большое преобладание статей над книгами в научном наследии Бориса Яковлевича. Сперва дается обстановка и маршрут путешествия. Давая общее представ-

ление о дэрбэтах, Владимирцов отмечает падение родового строя. Отчетлива картина буддийской церковности, с характерными «перерожденцами», своего рода живыми божествами — людьми. Эти указания более подробно развиты в расширенном отчете о его поездке к дэрбэтам, помещенном в «Известиях» Географического общества. Здесь мы встречаемся с другой характерной чертой Владимирцова: привычкой наблюдать точно, доверять только тому, что видел сам, относиться с чрезвычайной осторожностью к «рассказам» и «легендам», влиянию которых, как хорошо известно, слишком часто поддаются путешественники, особенно в первых своих путешествиях. Владимирцов определенно уничтожает легенду, передававшуюся до него исследователями Монголии, будто перерожденцы богини Дараеке (индийская Тара) «являются девственницами, небесными девами». «На самом деле, — говорит Владимирцов, — это обстоит не так. Они могут быть и бывают как девушками, так и замужними женщинами. Девственность для них вовсе не обязательна, и замужество в глазах монголов совсем не роняет их духовного достоинства. Мне кажется, что появление рассказов о „небесных девах“ Монголии у наших исследователей нужно объяснять перенесением европейских понятий и представлений, как это вообще нередко случается». Владимирцов всегда предостерегал против подобных перенесений понятий из одной сферы в другую. Следует отметить еще и то, что Владимирцов тщательно указывает разницу в экономическом и социальном строе, наблюдаемую им по сравнению с его предшественниками, и этим дает ценные исторические указания. Чтение обоих, взаимно друг друга дополняющих отчетов, очень поучительно для характеристики тщательности работы Владимирцова, его умения наблюдать и широко и разносторонне охватывать предмет наблюдения.

В связи с этими поездками стоят и этнографические наблюдения Владимирцова, где он умеет использовать и ту специфически пропагандистскую литературу буддийского духовенства, о которой вообще мало писали и которая характерна для церковной пропаганды. Так в статье «Этнографические мелочи из жизни монголов» Владимирцов останавливается на водке и табаке и цитирует и частично переводит пропагандистские брошюры «О происхождении водки и зле, которое она причиняет» и разные подобного же рода брошюры на монгольском и тибетском, иногда на двух языках, монгольском и тибетском, напр. «О вреде табака».

Экспедиции Бориса Яковлевича все были связаны и с изучением местных языков, и мы начинаем встречать в списке его работ отдельные небольшие исследования по языку. Владимирцов прошел индо-европейскую

школу лингвистики, и это в значительной мере отразилось на его языковедных работах, но если ближе всмотреться в его работы по языку, то несомненно выясняется, что его весьма трудно будет назвать индоевропейцем. В чрезвычайно содержательной статье «Mongolica» «Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии» он дает несколько ценнейших указаний о развитии монголоведения вообще, и монгольского языка в частности.

Указав на первый древнейший период монголоведения, с его широкими установками, он переходит к следующему периоду, который он называет позднеевским. Вряд ли можно согласиться здесь с словами Владимирцова о том, что «в каждой области знания, почему либо могущей обособиться, кроме особых приемов ей одной свойственных, большое значение еще имеют некоторые настроения, если можно так выразиться, данной области науки». Он недостаточно учитывает, что научные исследования явление надстроечного порядка и что объяснение перемен направлений следует искать в переменах социально-политического характера. Правда, что сам же Б. Я. Владимирцов, давая превосходную характеристику этого периода монголоведения, указывает и на ключ к его пониманию. «Со времени А. М. Позднеева направление монголоведения изменяется довольно сильно по сравнению с недавним прошлым. Оно разрывает связи со смежными областями знания, которые у него, хотя и слабо, но все-таки были завязаны с тибетоведением и туркологией. Работа направляется во внутрь. Монголия как-то поворачивается своим новым манджурским чиновничьим ликом, на котором нельзя прочесть ничего другого, ничего о пережитом в ином состоянии, в иное время. И буддийский лик позднеевской Монголии оказался каким-то захолустным и обособленным от всего другого буддийского мира». Эти слова ясно говорят о науке на службе у колонизаторской политики правительства, ею объясняется и поворот в монголоведении.

Владимирцов далее говорит о новом повороте в монголоведении, которое он связывает с именем финского ученого Рамстедта. И здесь мы видим, как подъем национального самосознания у финнов побуждает их искать родственных связей у других народов и в связи с этим изучать их языки, литературу, материальный быт. Исследования центральной Азии, совпадающие с новыми продвижениями европейцев в Азию и с новыми их захватами, отражаются и на монголоведении, принося громадный новый сравнительный материал. Владимирцов дает интересную картину многочисленных заимствований в языке. Но он требует очень осторожного отношения к этим заимствованиям. Указав по переводу турецко-монголь-

ского слова «тюмен» (10 000) на объяснение его то кучарско-карашарскими, то индоевропейскими заимствованиями, Владимирцов добавляет: «Но вот в недавнем своем докладе в заседании Восточного отделения Археологического общества Н. Я. Марр указал на возможность иного яфетидологического объяснения этого слова. Вопрос о кучарско-карашарском происхождении турецко-монгольского слова «тюмен» таким образом никак не может считаться решенным». Вряд ли при такой установке приходится считать Владимирцова убежденным индоевропеистом.

Большому основному труду Владимирцова по монгольскому языку — «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» — не пришлось увидеть конца: появился первый том «Введение и фонетика (Ленинград, 1929)». Слова автора в предисловии «надеюсь, что в ближайшее время мне удастся напечатать продолжение настоящей работы, посвященное морфологии, синтаксису и семантике», увы, не оправдались и вряд ли кому удастся из бумаг покойного восстановить этот том. Обширное «Введение» дает картину развития монгольского языка и его наречий, после чего идет уже сама грамматика.

Занятия языком не только не мешали литературоведческой работе Владимирцова, но помогали ей; мы видим, что им за эти годы выпущены три книги и ряд статей по литературе монголов. На работу в области фольклора, специально по сказкам, Владимирцов откликнулся статьей «Библиография монгольской сказки», напечатанной Географическим обществом, которое вело работу по сказкам разных народов. Большой труд Владимирцова «Монгольский сборник рассказов из Панчатантры» (1921) справедливо обратил на себя общее внимание и дал много для истории этой мировой книги, которая будучи написана в Индии, обошла все страны Востока и Запада, оставив всюду глубокий след, как в письменных, так и в устных литературах. Довольно тесно связан с первой работой и другой труд Владимирцова — перевод с предисловием и примечаниями полного монгольского перевода известного индийского сказочного сборника «Волшебный мертвец». Оба труда важны для понимания не только монгольской, но и тибетской и индийской литератур. Это памятники периода феодализации Монголии.

Еще большее значение имеет значительный труд Владимирцова «Монголо-ойратский эпос» — перевод, большая вступительная статья по истории монгольского эпоса и примечания. Автор четко выявляет классовый характер этого эпоса, его принадлежность «господствующему классу наследственной и служебной аристократии», чем и объясняется его крайний консерватизм, приверженность старине и княжеским традициям. Этим же объясняется и

впервые установленный Владимирцовым факт индийского влияния на поэтику монгольского эпоса, этим же объясняется и указываемое автором персидское влияние. Во всех этих странах мы имеем литературу феодализма, класса феодальной аристократии. Чрезвычайно важную вводную статью предполагают перевести на один из западных языков, так как работою Владимирцова чрезвычайно заинтересовались не только у нас, но и на западе, в виду ее большого значения для истории эпоса вообще. Владимирцову принадлежит еще и образование серии изданий памятников бурятского и монгольского фольклора, собранных главным образом по его инициативе и отчасти им самим. Из этого громадного и ценнейшего материала только незначительная еще часть увидела уже свет. В списке работ Бориса Яковлевича указаны эти его труды. Под его наблюдением изданы и «Произведения народной словесности бурят» Ц. Ж. Жамцарано. Из работ по монгольской литературе укажем еще на небольшую статью, дающую очень содержательный очерк «Монгольская литература» в «Литературах Востока» и богатое фактами и библиографическими указаниями предисловие к переводу «Очерк монгольской литературы» Б. Лауфера. Владимирцов чрезвычайно много сделал и для каталогизации богатейших собраний по монгольской литературе у нас.

Все разобранные выше работы Владимирцова по его экспедициям, по языку, по литературе постоянно увязывались у него с историей монголов; всюду можно заметить систематический и глубокий интерес к истории. Но среди его печатных работ именно чисто исторические занимают весьма незначительное место. Если всмотреться глубже во всю научную деятельность Владимирцова, то это обстоятельство станет вполне понятным. Он сознавал громадную трудность работы в области истории монголов, поскольку почти не существовало предварительной критической проработки первоисточников. Поэтому мы можем из печатных его трудов в этой области указать только на два. Первый, это научно-популярный очерк «Чингис-хан» (1922), переведенный на французский язык в 1926 г. для серии «Les grandes figures de l'Orient». Вышел английский перевод в 1930 г. Несмотря на научно-популярный характер этой книги, такой строгий и высококомпетентный судья, как покойный В. В. Бартольд, назвал ее «лучшей в настоящее время книгою по данному предмету, не в одной только русской литературе». Она является несомненно значительным шагом вперед против прежних исследований по данному предмету. Другая историческая работа Владимирцова, очень специальная, «Надписи на скалах халхаского Цоктутайжди» представляет собою яркий пример того, как много можно извлечь

из небольшого даже первоисточника, если подойти к нему с большим знанием предмета и умением разбираться в историческом материале. Мне бы хотелось подчеркнуть еще и то обстоятельство, что в этой статье дается и обстоятельный критический разбор литературы по предмету и ее зачастую совершенно не критический подход к исследованию.

Если обе только что приведенные напечатанные работы показывают, что Владимирцов несомненно был историком, то еще более убедительно это указывает большой его труд, который, надо надеяться, в ближайшем времени увидит свет «Общественный строй Монголов. I. Монгольский кочевой феодализм. II. Средний период. Расцвет феодализма с XIV—XVII в.»¹

Этот любопытный, совершенно новый по своему подходу к предмету исследования труд рисует нам в первой своей части четкую картину падения родового строя монголов и процесс постепенной их феодализации; во второй части, он говорит о вполне сложившемся феодализме. Третья часть, очевидно, должна была проследить дальнейшее развитие феодализма и начало его упадка, кончая, вероятно, нашими днями, о которых Владимирцов мог отчасти судить и как очевидец.

В кратком, и, естественно далеко не полном, очерке научной деятельности Бориса Яковлевича я мог, конечно, дать только, насколько сумел, общую характеристику этой деятельности. Разбор дневников и вообще всего научного наследия покойного позволит восстановить полностью его облик как ученого, как самого крупного монголиста нашего времени. Но Владимирцов был не только крупным ученым, глубоко преданным своему делу преподавателем, оставившим ученикам продолжение его научной работы, но и был человеком, заслужившим общее уважение и искреннюю любовь тех, кто ближе его знал. Советский союз потерял в нем крупнейшего, преданного нашей общей советской работе ученого.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА

Принятые в списке сокращения: 1) ВЗ — Восточные записки; 2) ДАН-В — Доклады Академии Наук СССР; 3) ЖС — Живая старина; 4) ЗВОИРАО — Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества; 5) ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов; 6) ИАН — Известия Академии Наук СССР; 7) ИРГО — Известия Русского географического общества; 8) ИРКИСВА — Известия Русского комитета для исследования Средней и Восточной Азии; 9) ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft; 10 — Яфе-

¹ Пользоваться этой рукописью я мог благодаря любезности П. И. Воробьева.

тический сборник. — Сокращенное слово *Рец.*, напечатанное курсивом, обозначает, что за ним следуют названия рецензий, данных на соответственный труд акад. Владимирцова.

1909. Легенда о происхождении дэрбэтских князей. ЖС, XIII, в. II—III, стр. 35—37.
Новый труд по монгольской народной литературе. Ц. Ж. Жамцарано и А. Д. Руднев
«Образцы монгольской народной литературы», вып. I (1908), ЖС, XVIII, в. IV, 89—94.
Отчет о командировке к дэрбэтам Кобдинского округа летом 1908 г. ИРКИСВА, № 9, 47—60. [Использован у А. Д. Руднева, Материалы по говорам В. Монголии, стр. XIV—XV.]
Этнографические мелочи из жизни кобдоских дэрбэтов. ЖС, XVIII, в. IV, 97—98.
1910. Этнографические мелочи из жизни монголов. I. Водка. II. Табак. ЖС, XIX, в. I—II, 172—175.
1911. Поездка к Кобдоским дэрбэтам летом 1908 г. ИРГО, XLVI (1911; за 1910), 323—355, [Использовано Грум-Гржимайло, Зап. Монг. и Урянхайский край, т. I.; см. Указатель.]
Турецкие элементы в монгольском языке, СПб. 1911. I. ЗВОРАО, XX, 153—184. [Обзор в статье G. Nemeth «Die Türkisch-mongolische Hypothese», ZDMG, 1912, LXVI, 558—559.]
Объяснения к карте Северо-западной Монголии, составленной монголами ИРГО. XLVII, 491—494 (и карта).
1912. Отчет о командировке к баитам Кобдоского округа. СПб. 1912, ИРКИСВА, № 11, сер. II, 1912, 100—104.
Библиография монгольской сказки. СПб. 1912. ЖС, XXI, 521—528.
1916. О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке, ИАН, 1916, 349—358. [Разобрано в статье G. J. Ramstedt «Die Verneinung in den altaischen Sprachen», Mém. S. F.-Ou, III, 198—199.]
[и Самойлович А. Н.] Турецкий народец Хотоны. ЗВОИРАО, XXIII, 265—290.
1917. Анонимный грузинский историк XIV в. о монгольском языке. ИАН, 1917, 1487—1501.
1918. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский музей РАН от проф. А. Д. Руднева. Петроград, 1918.
- ✓ 1919. Буддизм в Тибете и Монголии. Лекции, читанные на первой буддийской выставке, СПб. 1919, 52 стр.
- ✓ 1920. [Краткое описание тибетских и монгольских собраний Азиатского музея Академии Наук.] Тибетский фонд. Монгольский фонд. Mongolica Polyglotta. «Азиатский музей Российской Академии Наук, 1818—1918. Краткая памятка». Петроград, 1920, стр. 74—86.
- ✓ Монгольская литература. Литература Востока. Вып. 2-й, изд. «Всемирная литература», СПб. 90—115.
1921. Монгольский сборник рассказов из Pancatantra. Петроград, отд. вып. МАА, т. V, 401—552 (1995). [Рец.: С. Ф. Ольденбург. Восток, I, 113—114; N. Porre. As. Maj., II, 179—182; P. Pelliot. T'oung Pao, 1923, 394—394.]
1922. Из лирики Миларайбы. Восток, I, 45—47.
✓ Чингиз-хан. Берлин — Петербург — Москва, 1922. [Рец.: В. В. Бартольд. Восток, V, 251—256; N. Porre. As. Maj., 1924, 767—772; Н. Н. Козьмин. Жизнь Бурятии, № 9—12, 171—152. Имеются: французский перевод Les grandes figures de l'Orient, Paris, 1926; английский перевод The Life of Chingis Khan by Professor Wladimirtzov. Translated from the Russian by Prince D. S. Mirsky. London, 1930.]
1923. «Классики Востока». Восток, II, 137—141. [Рец. на пять томов серии: Les classiques de l'Orient. Collection publiée sous le patronage de l'Association des Amis de l'Orient et la direction de Viktor Goloubew. Edition Bossard, Paris.]
Индийские сказки. Восток, II, 156—158. [Рецензия на шесть сборников индийских сказок.]

- Рецензия на: *Persian Tales written down for the first time in the original Kermāni and bakhtiāri and translated by S. O. Lorimer with illustrations by Hilda Roberts.* London, 1919. Восток, II, 158—159.
- Рецензия на: L. Fiaot. *Recherches sur la littérature Laotienne.* Bulletin de l'Ecole Française de l'Extrême Orient, XVII, № 3, 1917. Восток, II, 159.
- Рецензия на: Sino-Iranica. Chinese contributions to the History of civilization in Ancient Iran, with special reference to the history of cultivated plants and products by Berthold Laufer. Field Museum of Natural History. Publication 201. Anthropolog. Series, XV, № 3. The Blackstone Expedition. Chicago, 1919. Восток, II, 159.
- Волшебный Мертвец. Перевод, вступительная статья и примечания. Петербург-Москва, МСМXXXIII. [Рец.: N. Porre. As. Maj, I, 678.]
- Рецензия на: *Romances of Old Japan, rendered into english from Japanese Sources by Madame Yukio Ozaki,* London, Восток, II, 160.
- Тибетские театральные представления. Восток, III, 97—107. [Рец.: P. Pelliot. T'oung Pao, 1923, 392.]
- Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Экспедиция Русского географического общества в Нагорной Азии П. К. Козлова 1907—1909. Госизд. Москва — Петроград, 1923. Восток, III, 171—175.
- Монголо-ойратский героический эпос. Введение, перевод. Петербург — Москва, 1923. [Рец.: N. Porre As. Maj., I, 679.]
- О двух смешанных языках Западной Монголии. ЯС, II, 32—52.
- Рассказ о волшебстве (перевод с монгольского). Восток, II, 55—57.
- Рецензия на: Этнографический бюллетень изд. Вост.-Спб. Отд. Русск. географического общ. и газ. «Красный бурят-монгол», №№ 1 и 2, февр. Восток, III, 182.
- Рецензия на: *The Folk-literature of Bengal, by Rai Saheb Dineshchandra Sen. B. A., with a foreward by W. R. Gourlay, published by the University of Calcutta* 1920. Восток, III, 187—188.
1924. [с Н. Н. Поппе]. Из области вокализма монголо-турецкого праязыка. ДАН-В, 33—35. О прозвище «Дауап»-qayap (Даян-хан). ДАН-В, 119—121. Остатки причастия настоящего времени в монгольском языке. ДАН-В, 55—56. Упоминание имени Тебтенгри в монгольской письменности. ДАН-В, 116—117. «Beuamini» Марко Поло. ДАН-В, 118.
1925. Следы грамматического рода в монгольском языке. ДАН-В, 31—34. Mongolica I. Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии. ЗКВ, I, 394—341. [Рец.: A. Unkrig. Anthropos, 1926; готовится немецкий перевод (1927).] В Монголию. Веч. красн. газ., 4 XII, № 293.
1926. О тибетско-монгольском словаре Li - Cihî gur-Khap. ДАН-В. Образцы монгольской народной словесности (Сев.-зап. Монголия). Ленинград, изд. ЛИЖВЯ, 11. Монгольский Данджур. ДАН-В, 31—34. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. ИАН, 1253—1280.
1927. То же [продолж.]. ИАН, 215—240. Кастрен - монголист. Памяти М. А. Кастрена. К 75-летию дня смерти. Ленинград, 87—92. Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Перевод В. А. Казакевича под редакцией и с предисловием Б. Я. Владимирцова. (Ленинградский Восточный институт имени А. С. Енукидзе, 20.) Ленинград. [Предисловие Б. Я. Владимирцова, стр., I—XXI.] Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. Северная Монголия, II, 1—42. Ленинград. Монгольские сказания об Амурсане. ВЗ, I, 271—282.
1929. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. (ЛВИ, 33) Ленинград, 1929.

A comparative grammar of the literary mongolian and of the Khalkha dialect. Introduction and Phonetics. (Publications of the Leningrad Oriental Institute, 33.) Leningrad (P. Gin 8°). [Краткое изложение книги.]

По поводу древне-тюркского *Ötüken üiś*. ДАН-В, 133—136.

Об одном слове, встречающемся в грамоте Иль-хана *Arγun'a*. ДАН-В, 152—153.

Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском. ДАН-В, 169—174.

Монгольское *nökiŋ*. ДАН-В, 287—288.

Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам. ДАН-В, 289—296.

Bodhicaryāvatāra Śāntideva. Монгольский перевод *Chos-kyi ḥod-zer'a*. I. Bibl. Buddh.

XXVIII.

1930. Монгольские титулы *beki* и *begi*. ДАН-В, 163—167.

Поправка к чтению монгольской надписи из Ердени-дзу. ДАН-В, 186—188.

Где пять халхаских поколений — *Tabun otoγ Xaŋxa*. ДАН-В, 201—205.

Монгольское *ongniγud* — феодальный термин и племенное название. ДАН-В, 218—223.

Л. Я. Штернберг как лингвист. Очерки по истории званий, VII. Памяти Л. Я. Штернберга. Ленинград.

Арабские слова в монгольском. ЗКВ, V, 73—82.

Об одном окончании множественного числа в монгольском языке. ДАН-В.

1931. Монгольские литературные языки. (К латинизации монгольской и калмыцкой письменности.) ЗИВ, I. [Представлена в ударном порядке в исполнение обязательства].

Монгольский международный алфавит XIII века. Культура и письменность Востока, X 32—42.

Общественный строй Монголов. I. Монгольский кочевой феодализм. II. Средний период. X, 32—42. Расцвет феодализма с XIV—XVII в. (рукопись).